

Л. Р. Скреминская,

к.ф.н., доцент,

Бишкекский гуманитарный университет

*Литературный текст как материал
в изучении региональной культуры
повседневности (на примере романа
В. Реймонта «Мужики»)
(К постановке проблемы)*

Для современной гуманитарной науки становится характерным обращение к исследованию повседневной жизни людей, что неизбежно требует пересмотра методологии познания. До недавнего времени повседневность была лишь областью этнографии и не являлась предметом пристального внимания историков культуры, преимущественно сосредотачивавших свой взгляд на выдающихся памятниках мировой художественной культуры и выдающихся личностях, эту культуру творивших. Сегодня в трудах культурологов, социологов, историков, философов и т.д. повседневность актуализируется. Изучение повседневности обеспечивает взгляд на жизнь изнутри, а через описание отдельного элемента повседневной культуры, включенного в разные контексты, приводит к пониманию целостной картины эпохи. Как отмечает Б.В. Марков, сегодня «исследование повседневной жизни в ее дисциплинарных порядках и душевных структурах является важнейшей частью культурологических дисциплин», благодаря чему культурология «из абстрактно-теоретической дисциплины» превращается «в действенные способы анализа» и обретает «способность к пониманию и объяснению социальной реальности» (7). По мнению Л.Г. Ионина, «повседневность является *основой* и *необходимой* предпосылкой исследований в социальных (добавим: и в гуманитарных. – ЛС.) науках» (4, с. 164). Другими словами, исследование повседневности расширяет наши представления о культуре народа и эпохи, помогает объяснить и понять исторические и социальные процессы, социальное поведение человека, выявить специфические уровни индивидуального и коллективного сознания, во многом предопределенные историческими особенностями народной жизни.

Интерес к повседневности в ее исторических изменениях проявили в 1930-х годах основатели французской исторической школы «Анналов» М. Блок и Л. Февр. Переключив внимание историка с глобальных исторических событий и выдающихся исторических личностей на Человека, его частную жизнь, историю его семьи и его повседневную практику, они тем самым продемонстрировали новый взгляд на историю.

Сегодня историки повседневности ставят перед собой задачу комплексного исследования реальности, представляющей жизненный мир людей разных социальных слоев, их поведения и их эмоциональных реакций на события.

Переориентация внимания на исследование «широкого круга проблем в их большой исторической длительности» происходит и в антропологии XX века: в антропологических исследованиях наблюдается использование исторического метода, о чем еще в 1960-х годах говорил Э. Эванс-Причард, признававший, что между историей и антропологией существует неразрывная связь. В своей известной лекции «Антропология и история», прочитанной в 1961 году в Мичиганском университете, он отмечал: «И антропологи, и историки одинаково дают себе отчет о том, что каждое событие является по ряду признаков уникальным, а по ряду признаков типичным, и в том, что при интерпретации события оба ряда признаков должны быть приняты во внимание» (12, с. 275–276).

В работе «Динамика капитализма» Ф. Бродель, рассказывая о механизмах производства товара и его обмена, выделил одну сторону человеческой жизни, «в которую мы оказываемся вовлеченными, даже не давая в том себе отчета» (2, с. 27) – этой стороной была повседневность. К ней он отнес все то, что окружает человека и опосредует его жизнь изо дня в день – географические и экологические условия жизни, трудовая деятельность, ежедневные потребности в жилище, питании, одежде, лечении больных и возможности их удовлетворения. Для такого всестороннего изучения необходим анализ взаимодействий между людьми, их поступков, ценностей и правил, форм и институтов брака, семьи, анализа религиозных культов, политической организации социума, т.е. всего того, что присутствует в формах быта определенной историко-культурной общности.

Таким образом, повседневность – важная сторона человеческой жизни, изучение которой выходит за пределы методов какой-либо одной науки, требуя междисциплинарного подхода с использованием достижений истории и социологии, философии и психологии, логического анализа и герменевтики.

Ф. Бродель, например, в поисках ответа на «новые вопросы: что они (люди. – Л.С.) ели? что пили? как одевались?» (2, с. 49) – обращается не только к историческим источникам, потому что, «как известно, в традиционных исторических трудах люди не едят и не пьют». Чтобы ответить на эти вопросы, он предлагает «предпринять целую экспедицию в прошлое», а интересным и важным источником, отражающим это прошлое, для него становится **литературный текст**.

Достоинства художественной литературы как одного из возможных источников информации о состоянии общества, историческом развитии и характере эпохи были отмечены неоднократно. Напомним известное признание Ф. Энгельса о том, что из «Человеческой комедии» О. Бальзака он «даже в смысле экономических деталей узнал больше..., чем из книг всех специалистов: историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых» (8, с. 28). Материалы художественной литературы, как известно, использовал Ю. М. Лотман, исследуя традиции и быт русского дворянства (6), и М. М. Бахтин, исследуя народную площадную культуру эпохи Средневековья и Возрождения (1). Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» как экспериментальную модель реальности использовал Л. Г. Ионин, исследуя социологию повседневности (4, с. 104–165). Таким образом, на наш взгляд, художественный текст, где писатель с разных сторон освещает свою современность, может служить одним из возможных источников, используемых в изучении повседневности, особенно повседневной жизни отдельно взятого региона. Такая задача потребует нового переосмысления роли художественной литературы, открывая широкие ее перспективы при изучении культурного состояния обществ и эпох.

Однако в нашем филологическом и культурологическом образовании еще недостаточно оценен потенциал литературного текста как дополнительного фонового материала о культуре, редко используются возможности историко-антропологического подхода к анализу литературы. Художественная литература понимается как узко филологическая область, произведения художественной литературы рассматриваются зачастую вне контекста культуры и анализируются, как правило, с позиции системы образов, жанровой природы, изобразительно-выразительных средств и т.п. Как правило, к художественному тексту, несущему в себе отпечаток духовно-культурного состояния эпохи или общества в целом, тексту, отражающему специфику этнографического быта, предлагается культурно-бытовой комментарий, который поясняет отдельные бытовые или исторические реалии. Однако зачастую такой комментарий существует как бы сам по себе и мало используется как действенный источник информации, способный всесторонне охватить историко-культурный фон человеческой жизни. Вместе с тем позволим себе утверждение, что художественный текст способен помочь составить **первичные культурные фоновые** представления о специфике повседневного быта, особенностях отношений, складывающихся в социуме, системе жизненных ценностей того или иного народа, общества, эпохи, представления, без которых понимание «другой» культуры «другого» народа, а, следовательно, осуществление межкультурной коммуникации и формирование культурной компетенции будет сложным.

В университетах нашей республики в последние годы заметно популяризируется направление «Регионоведение». Так, в Бишкекском гуманитарном университете на факультете славяноведения в текущем году студенты-регионоведы первого курса начинают изучать Польшу как регион Центральной Европы. Однако важно помнить о том, что сама Польша исторически представлена своими регионами, в том числе и этнографическими: Мазовецкий регион и Подлесье, Малая Польша и Шлёнск, Великая Польша и Поморье. Каждый из этих регионов, в свою очередь, подразделяется еще и на субрегионы. Все эти регионы имеют свои исторически сложившиеся особенности, проявляющиеся в природных условиях, климате, традициях повседневного быта, питании, жилище, народном костюме и т.д. Регионализм польской культуры отмечали «отцы польской этнографии» Винцент Пол и Зыгмунт Глогер (13, с. 3–9). Винцент Пол – польский поэт, географ и этнограф, собиратель и исследователь фольклора, особенно фольклора восточных регионов Польши. Его этнографической деятельности посвящен раздел монографии Е. Дамроша «Ojczyzna i jej regiony», вышедшей в польском издании 2007 г. (13, с. 3). О региональных особенностях народной польской культуры свидетельствует большое количество региональных музеев, расположенных в каждом польском регионе (15, с. 200–206).

Начальный этап в изучении какого-либо региона зачастую осложнен многими трудностями, например, недостаточностью литературы об этом регионе на русском языке. Здесь, на наш взгляд, эту проблему частично поможет решить художественная литература, позволяющая, пусть в художественной форме, окунуться в специфическую окрашенность быта, обозначенного действием событий региона. Таковым произведением, способным погрузить читателя в конкретную эпоху и конкретную региональную область Центральной части Польши и ее особый быт, видится нам роман польского писателя Владислава Реймонта «Мужики» («Chłopi») (10).

Роман был написан на рубеже XIX–XX вв., а печатался в 1902–1909 гг. в варшавском журнале «Tygodnik ilustrowany». На русский язык роман «Мужики» неоднократно переводился, но, несмотря на это, в нашем литературоведении он исследован недостаточно. Вместе с тем этот роман, воссоздающий всестороннюю картину жизни польской деревни рубежа веков, а через нее и социально-экономическую жизнь Центральной Польши, занимает определенное место в ряду польской бытоописательной литературы после «Пана Тадеуша» А. Мицкевича и «Над Неманом» Э. Ожешко. Это «мужицкая эпопея» («eropeja chłopska») – первый в польской литературе роман, где совершенно отсутствует шляхта, а все внимание автора отдано описанию ежедневного мужицкого быта, организованного по четырем временам года. Четыре части романа так и названы: «Осень», «Зима», «Весна», «Лето». Такая композиция романа позволяет автору показать повседневную жизнь польского мужика, живущего в согласии с ритмами природы и подчиняющегося тем переменам, которые в ней происходят. Каждое время года имеет свои календарные и религиозные праздники, которые также регламентируют традиционный мужицкий быт и открывают перед нашим читателем специфические стороны жизни польской деревни.

Содержание романа «Мужики» позволяет обнаружить материал, необходимый исследователю культуры повседневности. Для сравнения приводим (выборочно) подходы к изучению культуры повседневности, предложенные О.В. Гавришиной (3), на которые должен ориентироваться исследователь, и попробуем найти соответствие им в тексте романа «Мужики». Так, О.В. Гавришина считает необходимым при изучении культуры повседневности обратить внимание на то, что, например, обладало для народа конкретной эпохи наивысшей **ценностью** и как эти ценности отражены в тексте; каковы представления **о добре и зле**; каковы **цветовые** предпочтения в той или иной культуре; семейные отношения и проблемы воспитания детей; каковы распорядок дня и изменения уклада жизни по сезонам; будни, праздники и обряды; традиции питания: пища и напитки; жилище; одежда: повседневная и праздничная и т. д. Конечно, объем статьи ограничивает возможности проследить отражение в романе всех обозначенных подходов. Но «Мужики» открывают перед читателем разнообразные стороны крестьянской жизни отдельно взятого польского региона, соответствующие всем выделенным уровням.

В. Реймонт, оставаясь замечательным художником, выступает как этнограф. Он погружает читателя во все подробности регионального повседневного быта, имеющего свою специфическую окрашенность, не упуская даже самых незначительных деталей. Создавая обобщенный художественный образ польской деревни и художественные характеры героев, автор дает реалистичную картину жизни крестьян, их семейных отношений, осложненных проблемой нерешенного земельного вопроса. Земельный вопрос – один из важнейших экономических вопросов польской действительности рубежа веков. Земля – это основная ценность, которая дает человеку ощущение полноценности своего бытия. Представление о добре и зле связано с представлением о справедливости или ее отсутствии в распределении земли. В романе вся психология героев определена заботой о приобретении земли и праве на нее. Каждый лишний морг земли может стать причиной вражды между близкими родственниками, ненависти отца и сына, даже причиной гибели отдельных героев. Трагическая судьба деревенской красавицы Ягны во многом предопределена той сделкой, на которую пошла мать

девушки, выдавая ее замуж за старика Борыну только потому, что Борына был готов записать на нее 6 моргов своей лучшей земли. Все в романе связано с землей: и судьбы героев, и судьбы самой польской деревни, и все чувства и настроения героев романа также определены землей – правом собственности на нее или лишением этого права. Отношение к земле формирует сознание героев и их отношение к жизни.

При внимательном прочтении романа, несмотря на то, что географических реалий, кроме названия деревни «Липцы» (Lipce)¹, не дано, легко прослеживается регион, в котором разворачиваются события романа. В Реймонт изображает ту часть Польши, которая после раздела польского государства в 1795 году отошла к России. Свидетельством тому является множество реалий: у жителей изображенной деревни Липцы в ходу денежная единица «рубль», который «котируется» больше, чем польский злотый, равный 15 копейкам; в романе постоянно упоминается о воинской службе на чужбине, далеко на востоке, «в далеком незнакомом свете». Поляки, согласно царскому указу, после поражения Польского Январского восстания 1863 года, рефлексия к которому постоянно прослеживается в романе, были «обязаны поступать в ряды русской армии» (5, с. 18). Наконец, описание костюмов, которые носят герои романа, отправляют читателя в Ловичский регион.

Лович сегодня – это город, расположенный между Лодзью и Варшавой, в XIX веке он входил в состав Мазовецкого, а в настоящее время Лодзенского воеводства. С XII века известно было Ловичское княжество, а народ, там живущий, называли «ксенжакami» (Księżakami). Исторически сложилось так, что Лович был одним из известнейших сельскохозяйственных регионов, и до сегодняшнего дня окрестности Ловича являются старейшим этнографическим регионом в Польше (15, с. 142). Этнографичность ловичанского традиционного быта, как следует из польских этнографических источников, прослеживалась в колористике народного костюма, а также в специфике убранства дома. Народный польский костюм (strój ludowy) имел ярко выраженную региональную особенность. Более того, как отмечает Реймонт, по одежде крестьян легко было узнать, кто из какой деревни, «потому что в каждой деревне одевались по-своему» (10, т. 2, с. 432). Изредка народный костюм можно увидеть в польской деревне и сегодня во время народных или религиозных праздников или во время важных торжеств, например, свадеб. В народном региональном убранстве выступают артисты фольклорных польских ансамблей, например, «Мазовше», «Требуна Тутки», Ансамбль народного танца Университета им. Марии Склодовской-Кюри в Люблине и др.

Ловичане отличались ярким и многоцветным традиционным костюмом, который был назван полосатым (pasiakiem), поскольку в нем преобладали разноцветные (оранжево-зелёные) полосы на женских юбках и мужских брюках. Наряд ловичанки изменялся в течение последнего столетия. По информации, полученной из польских этнографических источников, и сегодня в окрестностях Ловича во время некоторых праздников, например, традиционного религиозного польского праздника Тела Господнего (Boże Ciało), можно встретить женщин, облаченных в белые блузки с широкими вышитыми рукавами и полосатые юбки (5, с. 143).

В старину основу традиционного убранства ловичанки составляли красная широкая юбка с узкими продольными голубыми, желтыми, оранжевыми или белыми полосками,

¹ В настоящее время эта местность называется Lipce Rejmontowskie.

в подоле обшита широкой аксамитовой лентой, на которой были вышиты цветы. Белая блузка была с широкими рукавами, манжеты и пройма были богато расшиты шелком в виде яркого узора. На юбке симметрично лежала «запаска» – квадратный кусок ткани, служивший и передником, и головным платком. В холодные дни ловичанки надевали еще другую запаску, которая спасала от холода и дождя. В особо торжественных случаях наряд ловичанки дополняли бусы – коралловые или янтарные. На ногах красовались высокие черные ботинки с красными шнурками.

В романе В. Реймонта описывается подобное женское убранство. Липецкая красавица Ягна будила зависть односельчанок своими нарядами, которые она постоянно меняла: «девушки и даже замужние женщины, проходя мимо, смотрели на нее с завистью, а некоторые даже останавливались, чтобы полюбоваться на ее пышную полосатую юбку, яркими красками переливавшуюся на ней, на высокие черные башмаки, зашнурованные до самых белых чулок красными шнурками, зеленый бархатный корсаж, так густо расшитый золотом, что от него рябило в глазах, на янтари и кораллы, несколькими рядами обвивавшие полную белую шею. От бус на спину свешивался пучок разноцветных лент, и, когда Ягна шла, они яркой радугой вились за ней» (10, т. 1, с. 74–75). Разноцветные ленты, юбки и цветастые шелковые платки символизировали собой не только красоту наряда деревенской щеголихи, но особенно его богатство: чем ярче и многоцветнее было убранство, тем оно выглядело богаче и роскошнее.

Еще большим великолепием отличался свадебный наряд невесты. Вот как выглядела в своем свадебном убранстве Ягна: «Косы ее были уложены высоко надо лбом – на них красовался венок из золотых нитей, павлиньих перьев и веточек розмарина, а от венка на плечи спускались длинные ленты всех цветов и летели за ней, переливаясь радугой. На ней была белая юбка, в густых сборках у пояса, корсаж из голубого, как небо, бархата, расшитый серебром, рубашка с пышными рукавами и кружевным воротником, прошитый голубой тесьмой, а на шее – несколько рядов кораллов и янтарей» (10, т. 1, с. 193). Такие яркие наряды носились в основном в деревнях и в особо торжественных случаях: в праздники или во время других торжеств, например, свадьбы. В ежедневной жизни, связанной с домашними делами, как работа в поле или по дому, одежда была простой и незамысловатой и региональными особенностями мало отличалась. Повседневная одежда бедноты была серых и темных тонов.

Встречается в романе и описание мужского костюма. Так, Борына, в особо важные моменты его жизни, облачался в праздничный белый богато расшитый сюртук. Длинный белый или серый сермяжный кафтан (*sukmana*) с отложным воротником, расшитый голубой тесьмой, – это традиционный мужской костюм ловичан. В более позднее время мужчины надевали черные кафтаны либо черные, укороченные до колен полукафтаны. Суконные штаны были широкими и полосатыми, преимущественно бурого или бордового цвета, на голове красовалась черная фетровая шляпа, суженная кверху, напоминающая втулку колеса, поэтому ее так и называли «*riasta*», что в переводе с польского означает «ступица», или «*świnioryjka*» (свинорыжка). Подобное описание мужского наряда мы встречаем в романе Реймонта. Собираясь к войту (сельскому старейшине), Борына надевает белый длинный кафтан, «расшитый по швам черной тесьмой, черную шляпу с высокой тульей, подпоясался красным кушаком» (10, т. 1, с. 36).

Имели свою специфику и внешний вид ловичского подворья, и внутреннее убранство дома. Элементами внутреннего убранства Ловичи заметно отличались от других регионов Мазовецкого воеводства и Польши в целом. Традиционное ловичское строение выходило фасадом на дорогу. Посредине были сени, а по бокам – комнаты. С одной и другой стороны можно было достраивать хлевы и сараи. Напротив дома, по другую сторону двора обычно стояли конюшни, называемые «*oborami*». По разным сторонам двора были двое ворот: для въезда и выезда – все это имело своей целью обеспечить безопасность хозяйства на случай пожара (15).

Дом и двор Борыны, как следует из текста романа, соответствовал тем особенностям, которые отличали ловичское подворье: он был обыкновенным деревенским домом, разделенным пополам просторными сенями. Задняя его стена выходила во двор, а четырехконным фасадом он был обращен в сад. «Изба была просторная, но низко над головой нависали массивные балки почерневшего потолка, вся она до такой степени была загромождена мебелью, что только около большой печки, у стены, выходившей в сени, оставалось немного свободного места» (10, т. 1, с. 32). Польский дом отличался и разнообразным внутренним убранством. Даже самые бедные семьи старались самым скромным образом, но преобразить свою избу. В романе встречаются описания незатейливых предметов домашней обстановки: расписанных сундуков, раскрашенных полок и шкафов, кроватей с резными спинками. Стены и окна, а также потолки и другие предметы домашней обстановки в особо торжественных случаях, особенно перед свадьбой или приходом в дом сватов, молодые девушки и хозяйка старались украсить вырезанными из бумаги ажурными занавесками, салфетками и даже целыми картинками – «*wycinankami*», которыми, например, Ягна украшала свой дом перед приходом к ней сватов, а перед Рождеством и Пасхой дом Борыны.

Значительное место в романе уделяется традиционным польским праздникам, каждый из которых имел свою специфическую окрашенность. Особый праздник для поляков – Рождество, к нему готовились с необычайной торжественностью. Как описывает В. Реймонт, с особенной тщательностью убирали дома, «проветривали, мыли, скребли, посыпали свежей хвоей полы в комнатах и сенях и даже снег у порога, белили закопченные печи, повсюду спешно пекли хлебы и праздничные пироги, приготавливали селедки, терли в глиняных мисках мак...» (10, т. 1, с. 288). Это праздник семейный, он отмечается в кругу самых родных и близких людей. Особо торжественно справляли в Сочельник (канун Рождества) ужин. За стол садились с наступлением сумерек, когда в небе вспыхивала первая звезда. Все, собравшиеся за столом, делились облаткой, прощали друг другу обиды и желали здоровья и всего наилучшего. Обязательно в этот день вспоминали усопших: на столе для них ставилось особое блюдо, на которое клали понемногу всего того, что было на столе, и обязательно кусочек облатки.

Традиционно в канун Рождества в каждой деревенской польской избе во все четыре угла (или в один красный угол – восточный у Реймонта) ставили необмолоченные снопы пшеницы. В некоторых регионах Польши бытовал обычай давать в Сочельник по кусочку облатки домашним животным, чтобы скотина была здоровой и давала хороший приплод. Причем, как пишет В. Реймонт, хозяйка давала кусочек облатки только коровам, предварительно перекрестив их между рогами, потому что коровы присутствовали при рождении Христа. Лошади исключались из этого торжественного рождественского ритуала.

В романе «Мужики» мы находим описание всех рождественских ритуалов, связанных и с «благоговейным ожиданием первой звезды», и с праздничным убранством рождественского стола, застеленного беленым холстом, под который было обязательно подостлано сено, с торжественным делением облатки, которую ели «благоговейно, как святое причастие», а также описание рождественских поверий. В Польше было распространено поверье, что в рождественскую полночь «всякая скотина понимает человеческую речь и может ответить, оттого, что среди них родился сын божий. Если с ними заговорит безгрешный человек, то они отвечают человеческим голосом» (10, т. 1, с. 298). Только подслушать разговор животных – это не к добру. А в тех местах, где водились волки, за изгородь выставлялись остатки рождественского ужина, потому что люди верили, что после такого угощения хищники не будут причинять вред хозяйству.

Большое внимание уделяет автор романа описанию блюд традиционного польского рождественского стола: «свекольный борщ с грибами и целыми картофелинами, затем сельди, обваленные в муке и поджаренные на конопляном масле, пшеничные клецки с маком, за клецками – капуста с грибами, политая постным маслом, а напоследок Ягуся подала настоящее лакомство – лепешки из гречневой муки, жаренные на маковом масле» (10, т. 1, с. 295). Обращает внимание и тот факт, что в Сочельник не полагалось есть ничего печеного, замешанного на молоке или коровьем масле. Праздничный ужин должен быть постным, а в шляхетских и зажиточных крестьянских домах он обязательно должен был состоять из 12 блюд – по числу апостолов.

Автор описывает не только рождественский стол, и ежедневную пищу своих героев: капуста с горохом – любимое кушанье шляхты и простого люда, особенно почитаемое Борыной, тертый картофель, политый топленым маслом, к которому подавали простоквашу, пшенная каша с жареным салом, домашняя свиная колбаса, блюда из сушеных грибов и т.д. Замечательными домашними колбасами и ветчинами польская кухня славилась издавна. В старопольской кухне колбасы подавались в разном виде – холодными и горячими, жареными и печеными, с капустой и горохом, под различными соусами. Как отмечено в переведенном на русский язык польском источнике «В старопольской кухне и за польским столом», «в XVII веке хороший шляхетский повар должен был продемонстрировать свое кулинарное искусство, приготовив из колбас 12 блюд, а повар магната – 24» (5, с. 260).

В. Реймонт не случайно уделяет особое внимание тому, что ели его герои. Блюда польской кухни, отмеченные в романе, – особая страница повседневной польской культуры. Польские кулинарные обычаи – это не просто свойственная полякам система питания. Традиции польского застолья складывались под влиянием буйного национального темперамента, польского радушия и гостеприимства, душевной широты и щедрости. О польском гостеприимстве, которое составляет особенность польского повседневного быта, как шляхетского, так и холопского, свидетельствует немало произведений польской литературы, достаточно привести в пример «Пана Тадеуша» А. Мицкевича, вспомнив известное: «Оповещают всех раскрытые ворота, что рады здесь гостям и примут их с охотой» (9, т. 2, с. 32). Как следует из воспоминаний поляка Анджея Козьмяна, гостеприимство в Польше – не только было принято как обязанность, это не просто прием гостей с целью угощения, это – «особое удовольствие – роскошь – потребность жизни» (14, с. 8), особенность польского национального характера.

Гостеприимство, писал живший на рубеже XVIII-XIX вв. Лукаш Голембёвский, – это «главный принцип образа жизни поляков; поляк не любит есть в одиночестве ни в будни, ни когда имеет что-нибудь получше; поэтому он безмерно рад гостю; тот, кто не имеет семьи, должен иметь домочадца, приживальщика, позовет священника, с которым ему приятно сесть за стол и за трапезой побеседовать. В низших сословиях, если кто заколет свинью, принесет с охоты дичь, рыбу поймает или овощи разные созреют, сразу гостей приглашает или посылает в подарок, и те отвечают ему подобной любезностью. Причем, не напоказ, не ради корысти делает это наш земляк: с молоком матери всосал он гостеприимство, с малолетства в родительском доме и повсюду видел он подобные примеры, может ли он поступить иначе?» (5, с. 153). Врожденным гостеприимством объясняется пристрастие поляков к хорошей и сытной еде, и хотя формы гостеприимства исторически изменились, суть самого гостеприимства остается прежней.

Гостеприимство и радушие – показательная часть жизни липчан. Так, в романе находим подтверждение тому, что в народной польской среде было принято щедро делиться тем, что имеешь сам: «У Бороны и других зажиточных хозяев было принято, когда резали свинью, на другой день рассылать родственникам и друзьям по колбасе, куску мяса или сала», потому что «без людей не проживешь» (10, т. 2, с. 66). Дом Бороны отличался радушием и щедростью. Не было случая, чтобы в доме Бороны за столом сидели только члены семьи, причем, работники садились за стол вместе с хозяевами. Постоянно у Бороны в доме, в его половине кто-то жил. Бездомная Ягустинка, которую выгнали дети после того, как она отписала им всю землю, нашла приют в доме Бороны. Всегда желанным гостем был в доме Бороны странник Рох, образ которого важен для понимания специфики народных духовных религиозных верований поляков.

Кроме Рождества, в романе представлен и другой, не менее важный для поляков праздник – это Пасха. В народной среде Пасха была связана со старыми традициями и обрядами. В Польше распространен обычай не просто красить, а расписывать к Пасхе яйца – «писанки», выводя сначала на яйцах узоры топленным воском, а уже потом опускать их в кипящую краску. От расписанных Ягной яиц «просто в глазах рябило: были тут и красные, и желтые, и лиловые, и темно-голубые, как цветущий лен, а рисунки на них были такие, что глаза разбегались: на одном – петухи поют на заборе, на другом – гуси шипят на свиней, лежащих в луже, на третьем изображена стая белых голубей над красными полями, на четвертом – чудные узоры, какими мороз разрисовывает стекла» (10, т. 2, с. 96). Яйцо в христианской традиции издавна считалось символом жизни, потому оно занимало главное место на пасхальном столе, т.к. Пасха – это праздник пробуждающейся к жизни природы. В центральных и восточных землях старой Польши был распространен обычай: в страстную пятницу деревенские женщины дарили ксёндзу расписные яйца. В страстную субботу яйца и соль несли святить в костел, и только после этого их ставили на праздничный стол. Помимо яиц на польском пасхальном столе были и колбасы, и зельцы, и заливная рыба, и пасхальные изделия из теста: «ситные хлебы и белые калачи, замешанные на молоке и масле, за ними желтые куличи с изюмом, <...> были тут и ватрушки с творогом, посыпанные сахаром и сладким маком» (10, т. 2, с. 98). Посреди стола ставилось высокое распятие, украшенное бумажными цветами, а над всем этим возвышался пасхальный агнец (ягненок) из масла или сахара. Ягуса искусно сотворила из масла такого барашка, «что он был совсем как живой: вместо глаз

были вставлены бусы, а хвост, уши и копытца и хоругвь сделаны из красной пушистой шерсти» (там же, с. 97).

Два тома романа В. Реймонта погружают читателя не только в бытовую среду его героев. Роман глубоко психологичен и драматичен. Но и через драматизм и психологизм также можно проследить тот эмоционально-чувственный мир героев, который формируется на уровне повседневности и выходит за ее пределы.

Роман «Мужики» – высокохудожественное произведение, за которое писатель в 1924 году был удостоен Нобелевской премии. Роман написан литературным языком, характерным для эстетического течения в истории польской литературы и искусства, названного «Молодая Польша» и охватывающего 1890–1918 гг. В этот период творили Болеслав Прус, Элиза Ожешко, Владислав Реймонт, Стефан Жеромский, Станислав Высяньский. Это был период эстетических и интеллектуальных исканий, поисков новых художественных средств и художественных форм. До этого периода в истории польской литературы не было произведений, которые так изображали польского мужика или в таком масштабе описывали его культуру, как это сделал Реймонт и его современники. До этого мужик изображался, прежде всего, несчастным бедняком, достойным жалости и сочувствия. Реймонт изменил акценты, сосредоточив внимание не только на судьбах польской бедноты, но и на описании самобытной и специфичной повседневной культуры польской деревни, а также ввел в повествование особенности регионального народного говора, которые, к сожалению, утратили свою специфику в русском переводе.

Таким образом, думается, что культурологический анализ эпопеи В. Реймонта поможет составить представление о специфике повседневной культуры изображенного региона, позволит вывести литературу за пределы узко филологической дисциплины и обеспечить ей достойное место в ряду междисциплинарного цикла.

В завершение видится необходимым подчеркнуть следующее: письменные источники, как известно, еще до оформления антропологии и этнологии в отдельные научные дисциплины активно использовались в качестве источников информации о культуре, образе жизни познаваемых народов. Однако не следует забывать, что литературный источник представляет информацию, пропущенную через субъективный взгляд автора, который в художественных целях способен «приукрасить» отдельные факты и саму действительность. В связи с этим далеко не каждый литературный материал может служить достоверным источником научной информации о народе и его культуре. Не секрет, что зачастую именно благодаря художественной литературе формировались культурные стереотипы, далекие от реальности. Поэтому нужна известная осторожность при отборе художественных текстов и их использовании. Вместе с тем, заявленная тема видится интересной, и данным подходом не исчерпывается наш интерес к обозначенной проблеме.

Литература

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
2. Бродель Ф. Динамика капитализма // http://www.repealed.ru/human/fbrodel_dynamics_of_c
3. Гавришина О.В. Подходы к изучению культуры повседневности: Программа курса // <http://www.iek.edu.ru/progs/pogavr2.htm> 17.02.2008.

-
4. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. – М., 2004.
  5. *Лемнис М., Витри Г.* В старопольской кухне и за польским столом. – Łódź, 1985.
  6. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII– начало XIX века). – СПб., 2006.
  7. *Марков В.Б.* Структуры повседневности в исторической антропологии // <http://anthropology.ru/ru/we/markov.html> 22. 12. 2007.
  8. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. – Т. 28.
  9. *Мицкевич А.* Пан Тадеуш // *Мицкевич А.* Собр. соч.: в 5 тт. /Под ред. Д.Д. Благого. – М., 1949. – Т. 2.
  10. *Реймонт В.* Мужики. Роман в 2-х тт./Перевод М. Абкиной. – М., 1981.
  11. Россия: Военно-статистический сборник. Вып. IV / Под ред. Н.Н.Обручева. – СПб.: Военная типография Гл. штаба, 1871.
  12. *Эванс-Причард Э.* Антропология и история. Лекция, прочитанная в Манчестерском университете в 1961. // *Эванс-Причард Э.* История антропологической мысли. – М., 2003.
  13. *Nasza Rota.* Kwartalnik dla środowisk polskich i polonijnych w świecie. № 3. 2007.
  14. *Wspomnienia Andrzeja Edwarda Koźmiana.* T.1. Poznań 1867. Nakładem Mieczysława Lejgebry, s.110-113 // *Nasza Rota.* Kwartalnik dla środowisk polskich i polonijnych w świecie. 2006, ' 3-4.
  15. *Zapísane w Pamięci.* Opowieści o poskiej kulturze ludowej /Praca pod redakcją K.Brauna. Wydawnictwo Didasko.